

ТРАДИЦИОННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ УДМУРТОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ПЕТРОВ Алексей Николаевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
БУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»
г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия

В статье рассматриваются особенности устного народного творчества удмуртов с целью определения ментальных характеристик традиционного удмуртского общества. Изучение легенд о батырах показывает, что для удмуртского общества характерно склонность к мирному решению конфликтных ситуаций, стремление нивелировать качества отдельной личности. Анализ песенного творчества говорит о значимости для удмуртов душевных переживаний совместности бытия. Исследование сказок, загадок удмуртов обнаруживает сочетание целостности мировосприятия удмуртами и неразработанности системы обобщающих понятий.

Ключевые слова: этнический менталитет, познавательная подсистема культуры, устное народное творчество, батыры, сказки-былички.

Ментальность этноса складывается из определенного сочетания этнических традиций установок, ценностей, стереотипов сознания, которые формируются этнической культурой. Поэтому одним из путей изучения этнической ментальности является исследование особенностей функционирования подсистем культуры этноса: производственная, жизнеобеспечивающая, соционормативная и познавательная [1; 10].

В познавательной подсистеме культуры этноса значительную роль играют духовные идеалы и способы восприятия мира. Наиболее ярко они представлены в фольклоре народа. Через устное народное творчество от поколения к поколению передаются основные ценности, взгляды на мир и отношения между людьми. Фольклор становится своеобразной этнической памятью народа, требующей своей расшифровки.

Наиболее значительные записи и публикации образцов устного фольклора удмуртов в конце XIX – начале XX в. сделаны Б. Гавриловым, Н. Первухиным, Г. Верещагиным, И. Васильевым, М. Ильиным, Б. Мункачи, К. Гердом и другими. Особый интерес представляют сказки, легенды, загадки, поговорки, приметы, поверья, песенное творчество удмуртов.

Важную роль в удмуртском фольклоре играют легенды о батырах и основателях поселений. В них отражена память народа о заселении территории между Камой и Вяткой, по рекам Вале, Кильмези, Чепце, Поломе и их притокам. В легендах о батырах, основателях родов, – Тутое, Янтамыре, Идне, Можга-Бурсине и других ярко прослеживаются некоторые особенности ментальности удмуртов.

Одна из них заключается в том, что в преданиях герои часто решают споры между со-

бой мирно либо путем спортивных состязаний (пинают кочки, устраивают соревнования по стрельбе из лука). В военных же столкновениях герой-батыр хотя и выделяется своими военными качествами, но в большинстве случаев погибает в борьбе с силами внешнего мира [6, с. 145; 12, с. 246].

Появление подобных сюжетов, видимо, связано с тем, что удмурты с XIV-XV вв. начинают ощущать усиливающееся колониционное давление со стороны более крупных народов с налаженной административной и военной системой. Данное явление нашло отражение в том, что народ вынужден был прекратить сопротивление, перейти к мирному сосуществованию, по возможности скрыться в малозаселенных местах, дабы сохраниться как целостность.

Это обстоятельство сыграло большую роль в том, что внутри родов стали главенствующими те ценности, которые были заложены природно-экологическими и экономическими условиями существования этноса, то есть направленность на согласие и гармонию отношений. Преобладающей стала тенденция на коллективное единение и нивелирование качеств отдельной личности. В легендах это выразилось через неприятие людей, выделяющихся своими особыми качествами, которые часто препятствовали согласию внутри рода. Необходимо отметить, что батыры стали не совместимы с новыми условиями существования родов. В результате они часто гибнут в нелепых ситуациях либо их убивают свои же сородичи. В легенде о возникновении села Завьялове говорится, что гордость и честолюбие Завьяла стали нестерпимы. Его подкараулили и убили [3].

В связи с тем, что человек в удмуртском обществе стремится к согласию и компромиссу в отношениях с ближними, он был вынужден на все явления жизни отвечать не действием, а душевными переживаниями, поэтому сила удмуртского героя заключается в его духовном богатстве. Наиболее ярко душевные переживания удмуртов показывают их песни.

Песни удмуртов, по словам К. Герда, – способ выражения душевного настроения [7, с. 133]. Через песню удмурт сливается с обществом, происходит процесс духовного единения людей, что обеспечивает сопереживание индивида и того или иного явления:

*Давай будем петь вдвоем:
Созвучны ли будут наши слова?
Почему не будут созвучны наши слова? –
Ведь с тобой мы вместе выросли [7, с. 132]!*

По наблюдениям исследователей, удмуртские песни в большинстве своем грустны, печальны, минорны, в них находят свое выражение замкнутая тяжелая жизнь крестьянина-земледельца, и именно через песни люди духовно объединялись и выражали в этом свое успокоение:

*Эти (наши) скучные песни
Кто может понять?
Кроме черного леса, кроме полей,
Неужели люди поймут?
Эти (наши) горящие сердца
Кто может успокоить?
Кроме (наших) песен, кроме (нашего) вина,
Неужели люди могут успокоить [7, с. 147]?*

По песенному творчеству удмуртов можно проследить значимость совместного переживания жизненных ситуаций:

*Один из нас гусли, (мой милый) друг,
Другой – скрипка:
Если их рядом положим, они будут звенеть.
И ты несчастный, (мой милый) друг,
И я несчастный:
Если вместе начнем петь, народ заплачет [7, с. 136].*

Но песня являлась и способом выражения чувств, через нее человек осуществлял разрядку накапливающегося духовного напряжения. Песня становилась своеобразным средством выражения внутреннего духовного состояния.

В сказках удмуртского народа в характере героя отражены черты идеала человека и они раскрываются через события, которые с ним происходят. Особенность удмуртской сказки в

том, что главный герой, попадая в сложные перипетии, часто спасается благодаря помощнику.

Нередко первой помощницей человеку в борьбе со злыми духами и сказочными существами становится лошадь. Распространен сюжет, когда героя от Кукри-бабы (удмуртский вариант бабы-яги), Кузьпинёмурта (длиннозубый человек) или другого мифического существа пытаются спасти различные лесные животные (белка, заяц, лисица, волк), но им это не удается, тогда на помощь приходит маленькая, худая, грязная лошадь и спасает человека.

Этот характерный сюжет связан с тем, что лошадь в сельскохозяйственном производстве, являясь основной тягловой силой, становится первой помощницей человека практически во всех его работах. Без нее человек не мог бы ни вспахать свой надел, ни обработать его. Отсюда, по словам В.Я. Проппа, лошадь необходимо рассматривать как персонифицированную способность героя, человек и лошадь сливаются воедино в крестьянской жизни [13, с. 167]. В представлениях удмуртов это нашло свое отражение в том, что лошадь как бы усиливает стойкость героя в борьбе с духами природы, дополняет его силу и сноровку.

Человек в сознании народа лишен возможности сам изменять мир и свою судьбу, поэтому обращается за помощью не к другому человеку (поскольку он тоже не может изменить ничего), но к лошади, которая имеет сверхъестественную связь с потусторонним миром. В верованиях удмуртов, как и в целом всех пермских народов, образ коня (лошади) имеет две противоположные ипостаси. С одной стороны, он олицетворяет жизнь, это связывает его с культом плодородия и с солнцем, с другой – конь связан с нижним потусторонним миром и с водой, с переправлением душ на тот свет (представляется интересной связь слов «-вал-», «-ву-», «-ва-») [5, с. 87].

Образ коня, по мнению археолога А.П. Смирнова, восходит в своей основе к более ранним тотемистическим представлениям ананьинскую эпоху являвшимся пережитком [14, с. 269]. Изображение коня встречается и в более поздних археологических материалах на этой территории, отсюда культ коня, по всей видимости, имеет прочную историческую основу.

Во многих удмуртских сказках лошадь становится олицетворением человека на том свете: «Работник Вумурта и человек-лошадь», «Утопленница-вотычка, дочь Вумурта и невеста своего брата» [11, с. 64-65]. В обрядах удмуртов

тоже просматриваются тесные переплетения образов человека и лошади (обряд «вал сюан»). А по взглядам И. Васильева, лошадь, вероятно, жертвовали богам вместо человека, то есть лошадь заменила человеческую жертву [2, с. 204].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что лошадь в удмуртских сказках и преданиях часто становится спасительницей человека. При этом она использует земные, реалистичные методы и приемы. Для спасения человека этого оказывается достаточно, так как в мифологических представлениях удмуртов образ лошади связан со сверхъестественными силами. Для сравнения отметим, что в русских сказках лошадь тоже является спасительницей человека. Но с помощью определенных действий человека она приобретает сверхъестественные качества и способности либо наделяет ими человека, в результате чего человек спасается и находит свое счастье.

Как уже отмечалось, лошадь необходимо рассматривать как персонифицированную способность героя, как олицетворение помощника человека. Идея помощника и в целом помощи заключается не в наделянии героя выделяющимися качествами и способностями, а в единстве действий. По всей видимости, данный взгляд связан с особенностями хозяйственной и социальной организации удмуртов и выливается в определенный стереотип, по которому успех деятельности видится в совместности, целостности усилий, а не в сверхъестественных или выделяющихся от других способностях одного героя.

Далее, попытаемся охарактеризовать удмуртские сказки как целостное явление и выделить в них характерные повторяющиеся черты.

Представляют интерес сказки-былички. Основное их отличие в том, что герой или герои этих сказок – это обыкновенные люди, которые не стремятся изменить свою судьбу, а, наоборот, подчиняются ей и силам природы. Например, в сказке «Палец и зуб» – палец и зуб, становясь символами братьев-неудачников, имеют несчастливую судьбу – в конце сказки их съедает волк [3, с. 139-140]. То же происходит и с девушкой в уже упоминавшейся сказке «Кукри-баба». Здесь девушка, хотя и вырывается из рук злых сил с помощью лошади, тем не менее погибает на своем сенике – ее там кто-то съедает [3, с. 162-164]. Удмуртские сказки часто не имеют счастливого конца, в них слабо обозначен нравственный смысл. П. Домокош пишет, что в удмуртских сказках «не детализируется найденное счастье, отсутствует длительное морализаторство» [9, с. 114].

Другое отличие подобного рода сказок в том, что герои в них не имеют сверхъестественных способностей, действуют реалистичными методами. Удача героя или его неуспех полностью зависят от сил природы или духов, причем они помогают либо мешают человеку по своей инициативе, а не по воле героя. В сказке «Старик-прохожий» именно звери – природные существа – отбирают у человека награбленное, и герой остается ни с чем. А в сказаниях о Нюлэсмурте леший часто сам одаривает человека за оказанную услугу.

Удмуртские сказки-былички, вероятно, необходимо представлять в качестве рассказов крестьян о своей жизни. Эти сказки прошли через систему религиозных представлений, и на них оказало влияние ассоциативное символическое мышление народа. В сказках герой часто отождествляется с какой-либо частью тела либо с животным, которые так или иначе передают качества человека. Интересно в связи с этим обратиться к сказке «Кукри-баба», в которой волосы умершей девушки до тех пор пересказывали родственникам ее судьбу, пока их не сожгли и пепел не выбросили из дома. По представлениям удмуртов, любая часть тела человека несет информацию обо всем человеке, его качествах, его судьбе.

В быличках трудно выделить привычную для современного человека логику, нравственный смысл повествования либо героя-творца. Их основное значение в отражении тяжелой крестьянской жизни, зависимой от природы и судьбы. Отсюда сказка-быличка скорее передаст психологическое ощущение крестьянами жизни, чувствование ее.

В связи с этим удмуртские сказки-былички необходимо воспринимать как психологическую целостность, требующую «вчувствования» и душевного переживания человека, но не как систему связанных между собой смыслов. Данное обстоятельство имеет значение для всей духовной культуры удмуртов и отражается также через песенное творчество, загадки.

В четырехстрочных песнях, записанных Б. Гавриловым, отсутствует явная логическая связь между первой и второй частями четырехстишия, что тоже говорит о необходимости целостного осмысления этих песен. В качестве примера приведем русский перевод одной из них:

«Если листья опадут, то не превратятся в землю. Одна денежка нам ничего не значит. Если будем почитать друг друга, то не поспремся» [6, с. 92].

В загадках удмуртов тоже трудно найти привычную для современного человека логику и на основе только мыслительных операций, без опыта существования в той природной среде практически невозможно отыскать верную отгадку. Загадка представляет собой один из способов классификации фактов и отношений. В каждой из них проявляются сложные ассоциативные связи, которые наблюдает человек в процессе своей жизнедеятельности в природе, прошедшие через систему религиозно-мифологических представлений. Приведем некоторые загадки, указывающие на данное обстоятельство: четверо братьев стреляют в одну яму (соски на вымени коровы во время доения); за Камойрекой белеет голубая лошадь (облако); на дне сундука думающая пуговица (сердце); неживой несет живого (лыжи, на которых ходят по снегу) [3, с. 175-176]. В связи с этим верно замечание И.Н. Смирнова: «Возникло у вотяка случайное представление о сходстве между двумя ранее стоявшими обособленно предметами, и он спешит поделиться своим открытием» [15, с. 246].

К. Герд отмечает, что «при придумывании загадки в основу берут образ или даже какое-либо незначительное, но наиболее характерное качество предмета, его наиболее выделяющийся признак» [7, с. 168]. Этот образ или признак преподносится через весь спектр бытовых и природных явлений, мифологических представлений. В связи с этим представляется уместным заметить, что загадка – это еще и способ выражения своего отношения к миру через осознание единства и целостности его составляющих.

Приведенные выше характеристики удмуртского фольклора, по всей видимости, являются самобытными удмуртскими по своему духу, поскольку в них просматриваются тесные переплетения мира человека и природы. На основе сказок-быличек, загадок, песен удмуртского народа можем выделить еще одну черту ментальности этноса – это целостность восприятия мира. Это приводило к тому, что удмурты воспринимали мир в единстве его составляющих. Четко выделяя образы и признаки предметов и явлений, тем не менее сами предметы они воспринимают лишь в целостности с остальными элементами мира. В результате сам предмет или явление не выходит из системы и не приобретает строгого понятийного оформления, не получает своего символа. И.Н. Смирнов пишет, что «вотьяк воспринимает мир в целом, отсюда он нагромождает кучи сравнений, которые вы-

зывают недоумения относительно условий совместного их возникновения» [15, с. 252].

Указанное выше обстоятельство сыграло, вероятно, большую роль в формировании особенностей мышления и поведения удмуртов. Незавершенность системы обобщающих понятий-символов и в то же время образно-психологическое восприятие действительности приводили удмуртов к большей склонности конкретизировать, чем обобщать. Например, у удмуртов не сформировалось обобщающих понятий «природа», «лес», а сам человек мыслился только в единстве с окружающим миром. В то же время достаточно широко разработана система определений различных состояний природы и самого человека [5, с. 217-218].

По всей видимости, неразвитость системы обобщающих понятий сыграла немалую роль в том, что удмурты более всего воспринимали мир через чувственные и эмоциональные образы, чем через логические операции, это рождало в определенных ситуациях легкое, особенно по отношению к новым предметам и явлениям. «Можно рассказать вотьякам какие угодно небылицы, и они примут их за чистую правду, если рассказчик будет вести речь серьезно. Если рассказчик рассмеется над своим враньем или засмеются свои товарищи, тогда и вотьяк засмеется нелепому рассказу» [15, с. 252].

Итак, причиной необходимости мирного освоения территорий удмуртским этносом во многом явилось поддержание гармонии и согласия в отношениях между членами родов, что основывалось на компромиссе людей. В фольклоре удмуртов это отразилось в формировании идеала «маленького» человека, не выделяющегося своими качествами от остальных людей, сила которого в единении с ними, во внутреннем переживании происходящего, своей судьбы.

В фольклоре удмуртского этноса, по всей видимости, нашло отражение сохранение зависимости народа от своей природной ниши, что выразилось в формировании целостности восприятия мира. Целостность восприятия мира приводила к неразвитости системы обобщающих понятий, склонности к конкретизации. Удмурты более всего были способны воспринимать мир в единстве его составляющих через чувственные и эмоциональные образы. Вероятно, данное мировосприятие переносится и на сферу социальных отношений и становится психологическим фоном для развития взаимоотношений между людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
2. *Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // ИОАИЭ. Казань. – 1906. – Т. 22. – Вып. 3. – С. 185-219; Вып. 4. – С. 253-276; Вып. 5. – С. 321-349.
3. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.
4. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 204 с.
5. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
6. *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. – Казань, 1880.
7. *Герд К.* Удмурт в своих песнях // О ней я песнь пою... / сост. Ф.К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 126-163.
8. *Герд К.* К изучению удмуртских загадок // О ней я песнь пою... / сост. Ф.К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 163-172.
9. *Домокош П.* История удмуртской литературы. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.
10. *Мкртумян Ю.И.* Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. – Ереван, 1978. – С. 44.
11. *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда: В 5 экз. – Вятка, 1888-1890. Эскиз I. 105 с; Эскиз II. 141 с; Эскиз III. 83 с; Эскиз IV. 84 с; Эскиз V. 68 с.
12. *Потанин Г.К.* У вотяков Елабужского уезда // ИОАИЭ. – Казань, 1880-1882. – Т. 3. – С. 189-255.
13. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. – 340 с.
14. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. – М.: АН СССР, 1952. – Т. XXXVIII. – 276 с.
15. *Смирнов И.Н.* Вотяки // ИОАИЭ. – Казань, 1890. – Т. VIII. – Вып. 2. – 308 с.

